

Все потонуло в снежной белизне.
Стоят деревья тихо и сурово.
Так тихо все вокруг, что страшно мне
Вздохнуть неловко иль промолвить слово.

Все тихо. На деревьях белизна,
И с каждой секундой мне яснее,
Что это — не снега, а письма,
Которые читать я не умею.

Я вижу, там, за белою ольхой,
Неслышные, куда-то мчатся кони,
И кто-то падает на снег сухой,
И тает где-то облако погони.

И чудно оживает все кругом.
Нет, это не блажная мысль пришла мне,
А виденное на веку своем
Припоминают деревья и камни.

Здесь не снега, которым нет границ,
Не белый лес при сумеречном свете,
А вышивка искусных мастериц,
Сработанная в прошлые столетья.

Здесь не стволы дубов и тополей,
А то, о чем мечтал мой дальний предок,
И сказка бедной матери моей,
Рассказанная ею напоследок.

Ночь наступает, не видать ни зги,
Стоят деревья тихо и сурово.

Слышны мои неслышные шаги,
И я вздохнуть боюсь и молвить слово.

1964